

Ярков Александр Павлович,  
ведущий эксперт экспертного научного центра  
по противодействию идеологии экстремизма и терроризма  
Тюменского государственного университета,  
доктор исторических наук,  
e-mail: ayakov@rambler.ru

**Мусульмане в системе исполнения наказания  
в Азиатской части России: прошлое и настоящее**

*Аннотация:* Западная Сибирь относилась к «местам не столь отдалённым», где ссыльные и их потомки только в 1858 г. составляли от 10 % – в Тобольской, до 15 % – в Томской губернии. В Восточной Сибири этот процент был еще выше. К концу XIX в. в Северную Азию вообще было сослано 562 тыс. чел. (включая 172,7 тыс. членов их семей, добровольно последовавших за осуждёнными), где более  $\frac{9}{10}$  переводились в разряд сельских жителей. В XX в. проявились другие подходы к перевоспитанию заключенных.

*Ключевые слова:* система исполнения наказания, Сибирь и Дальний Восток, середина XIX – середина XX веков.

Alexander Pavlovitsh Yarkov,  
leading researcher of the Expert Scientific Center  
for Combating the Ideology of Extremism and Terrorism of the  
Tyumen State University,  
Doctor of Historical Sciences

**Muslims in the system of punishment in the Asian part of Russia: past and present**

*Annotation:* Western Siberia belonged to «places not so remote», where exiles and their descendants in 1858 g. ranged from 10 % in Tobolsk, to 15 % in Tomsk province. In Eastern Siberia, this percentage was even higher. By the end of the 19th century in Northern Asia was referred 562 thous. Pax. (including 172.7 thousand members of their families voluntarily followed the convicted persons), where the  $\frac{9}{10}$  were transferred to the category of rural residents. In the 20th century emerged other approaches to rehabilitate prisoners.

*Keywords:* the system of execution of punishment, Siberia and the far East, mid 19 th – mid 20th centuries.

На границе Свердловской и Тюменской областей до наших дней сохранился столб, где каторжники и ссыльные в XIX в. прощались с «Россией» (такая надпись на одной стороне столба), хотя она в большую часть того века ещё простиралась до Аляски. Шли по дороге мимо этого столба и мусульмане, наказанные за различные уголовные и политические преступления.

Приметой многих городов Сибири и Дальнего Востока были тюрьмы и остроги, появившиеся с времени закладки этих поселений. Их обитатели согласно парадигме государственной идеологии должны исправляться подневольным трудом и нравственно-религиозным воспитанием. С выходом Указа от 14 апреля 1808 г. «О

постройке тюремных замков во всей Российской империи» разработаны типовые проекты<sup>604</sup>. Прежние остроги в Берёзово, Бийске, Ишиме, Кузнецке, Омске, Тобольске, Таре, Ялуторовске к тому времени были физически изношены и не отвечали элементарным требованиям. К тому же с 1830-х гг. ежегодное количество ссыльных увеличивалось на 9–10 тыс. чел.<sup>605</sup>

Заметим, что и на востоке – в Енисейской и Иркутской губерниях, Забайкальской, Якутской и Амурской областях часть приходов и новых мечетей появились за счёт ссыльных и оставшихся после отбытия наказания. Известно, что некоторых мусульман власти отправляли на «прокорм и проживание» по селениям сибирских единоверцев – фактически для перевоспитания.

Единственный из декабристов уроженец Сибири Г. С. Батеньков оказался деятельным помощником великого российского реформатора М. М. Сперанского в подготовке реформ 1822 г. Именно Батеньков стал автором предваряющих очерков «Об инородцах», «О ссыльных» и др., где существовали разделы о правах мусульман<sup>606</sup>.

Наиболее характерная ситуация с отбывающими наказание мусульманами сложилась в г. Тобольске. В осуществлении реформ 1822 г. этот город получил единственное в стране ведомство – Приказ о ссыльных, ведавший дальнейшим их распределением по Азиатской части России. В 1838 г. архитектором Вайгелем разработан проект комплекса в Тобольске. Он состоял из блоков: штаб, больничный корпус, блок № 1 – для особо опасных заключённых, блок № 2 – для политических (существовал до 1941 г.), блок № 3 – этапный. Строительство в Тобольске завершено в 1849 г. (в Омске проект реализован лишь через 50 лет).

В «Записках из Мёртвого дома», написанных под впечатлением от заключения в омском остроге (1850–1854), Ф. М. Достоевский дал описание разного типа преступников (сам к ним принадлежал), но у Газина из «особого отделения» имелся прототип – садист, осуждённый за убийство ребёнка. Отношение всех осуждённых к религиозным особенностям было терпимое, где примечалось, что Нурра «молитвы исполнял свято; в посты перед магометанскими праздниками постился как фанатик и целый ночи выстаивал на молитве. Его все любили и в честность его верили»<sup>607</sup>.

Случайная встреча подвигла пребывавшего в тюремном замке в 1861 г. петрашевца Ф. Львова к написанию рассказа, известного как «Выдержки из воспоминаний ссыльнокаторжного. Первый день в Тобольске». Там есть живое наблюдение о «встрече двух миров». Увидев среди каторжниц женщину с ярко выраженной внешностью, герой рассказа (сам осуждённый) из сострадания заговорил с ней на фарси, пытаясь её успокоить, «чтобы она так не сокрушалась, и что Аллах велик...»<sup>608</sup>. В 1868 г. эта тюрьма, выполнявшая функцию пересыльной, дополнилась военно-каторжным отделением. В 1875 г. в пересыльном корпусе устроена «Временная каторжная № 3 тюрьма», в арестантских помещениях военно-

---

<sup>604</sup> Риве З.Э. Тобольский острог. Тюмень, 2017. С. 87.

<sup>605</sup> Там же. С. 118.

<sup>606</sup> Гарифуллин И. Б. Декабрист Батеньков и инородческий вопрос в Сибири // Словцовские чтения – 2007: мат. XIX Всерос. науч.-краевед. конф., Тюмень, 2007. С. 71–73.

<sup>607</sup> Достоевский Ф. М. Собр. соч.: [в 15 т.]. Т. 3. Л., 1988.

<sup>608</sup> Михеев А. П. Тобольская каторга. Омск, 2007.

каторжного отделения – «Каторжная № 1 тюрьма», а строившаяся в отдалении – «Тобольская каторжная № 2 тюрьма»<sup>609</sup>.

Мусульмане-участники восстаний против царской власти осуждались как политические преступники. Некоторым (М. А. Абдрахамову, С. У. Мазнаеву, А. А. Сатарову, М. Тадетбаеву, А. И. Тошматову и др.) смертная казнь заменена на каторгу, в т. ч. на Сахалин. Об отбывавших там наказание мусульманах хорошо написал А. П. Чехов<sup>610</sup>.

Приехавший посетить родной Тобольск Д. И. Менделеев в 1899 г. зафиксировал: «Меня повели в находящуюся с краю каторжную тюрьму, где заключены на разные сроки завзятые убийцы и преступники вроде Андиганских среднеазиатцев, учинивших фанатические убийства в военном лагере, около Андиган», к которым, несмотря на тяжесть совершённых преступлений, регулярно приглашали муллу. Намазы и беседы проходили в молитвенном зале (называвшемся мечетью), вмещавшем до 60 чел.

По пути в «места не столь отдалённые» – в Тобольск поступало несколько категорий арестантов: инвалиды, престарелые, а также «иноверцы», основную часть которых составляли мусульмане и иудеи – в тюрьме № 2. С 1891 г. до 1905 г. численность мусульман изменилась там с 26 % до 76,5 %. Немало из них уроженцев Кавказа, которые, по замечанию тюремной администрации, благодаря «...национальной неустранимости и решительности, а также пылкому темпераменту, не боятся русских и держат себя вызывающе по отношению к ним»<sup>611</sup>. Смягчить нравы обязывали муллу, который ежегодно получал 180 руб. из спецсредств Министерства юстиции.

Исходя из установок ислама, что к маргиналам нужно проявлять милосердие, единоверцы всегда пытаются направить их на исправление. «Природные» мусульмане Северной Азии – сторонники адатного ислама, но «плохие идеологические фанаты» во все времена. Значительно больше – среди отбывавших наказание.

Некоторые из каторжников (А. Тубыли, Токтогул Сатылганов и др.) известны в прежних местах обитания как мыслители и поэты, не представлявшие себя вне ислама. Встречались и сосланные за прозелитизм имамы. Осуждён к заключению в тюрьму на восемь месяцев (с отдачей после отбытия наказания под надзор полиции на два года) и имам тобольской Соборной мечети почётный бухарец Ш. А.-Б. Шарипов<sup>612</sup>.

Среди преступников, например, в 1849 г. в Томской губернии были: из духовного звания – 1, из крестьян – 14, из поселенцев – 19, из бродяг – 5, из каторжных – 4, из дезертиров – 2, из «иностранцев» – 1 чел., отражая уровень склонности к правонарушениям. Криминальная статистика свидетельствовала, что среди этнических групп, например, в Тобольской губернии, чаще всего преступления совершали башкиры и татары, а на третьем месте находились уже отбывшие наказание уроженцы Кавказа. Администрация опасалась «черкесской смуты» (в крае

---

<sup>609</sup> Риве З. Э. Тобольский острог. Тюмень, 2017. С. 215.

<sup>610</sup> Чехов А. П. Остров Сахалин (из путевых записок). Южно-Сахалинск, 1995.

<sup>611</sup> Бортникова О. Н. Сибирь тюремная: пенитенциарная система Западной Сибири в 1801–1917 гг. Тюмень, 1999. С. 240.

<sup>612</sup> Ислам на краю света. История ислама в Западной Сибири: [в 3 т.]. Т. 1 / под ред. А.П. Яркова. Тюмень, 2007. С. 120–121.

принято горцев именовать «черкесами»), боясь их союза с сибирскими татарами. В фольклоре последних зафиксировано несколько песен о ссыльных<sup>613</sup>.

Сомнительно утверждение одного из ссыльных крестьян Красноярского уезда Енисейской губернии, что там нет ни мечетей, ни мусульман. Этот тезис, оказывается, стал обоснованием для принятия христианство бывшим уголовником<sup>614</sup>. Впрочем, в Александровском центре мало учитывались религиозные особенности. Да и «штатных» мулл там не было – обходились «знающими».

Материалы переписи 1897 г. свидетельствуют, что в структуре полов среди мусульман (по записанному исповеданию) в Западной Сибири не существовало большого дисбаланса, чего не скажешь о ситуации в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. Так, из 6 981 мусульман в Иркутской губернии 4 423 – мужчины (где 4 129 – приезжие), из 1 034 указанных в Приморской – 979 мужчин, а доминирование мужчин – есть отражение как ссыльного, так и воинского контингента.

Пенитенциарная система в Восточной Сибири создавалась как место отбытия наказания за тяжкие преступления. Поэтому в Нерчинском округе соотношение мужчин и женщин среди мусульман отражает уголовно-исполнительную систему: в 1870 г. – 110 к 1; в 1891 г. – 23 к 8; в 1895 г. – 23 к 9; в 1897 г. – 254 к 66; в 1900 г. – 21 к 11; в 1904 г. – 17 к 3; в 1907 г. – 116 к 29. Для их духовного окормления было разрешено открыть в 1903 г. в Ново-Курратаево молитвенный дом (муэдзин А. Халитов)<sup>615</sup>.

Только в дореволюционный период можно относительно чётко дифференцировать мусульман (по убеждению) из всех ссыльнокааторжных в Азиатской части России, которая подразделялась на места «далёкие» и «не столь далёкие». Вне учёта находились не имеющие свидетельств бродяги, давая основную часть рецидивной преступности.

«Жизнь и смерть» заключенных проходили в русле общих изменений в политике страны. Примечательно, что после продержавшейся в Тобольске 66 дней советской власти в июне 1918 г. муллы вновь пришли в молитвенное помещение, уже окормляя не только уголовников, но и сочувствующих большевикам, по сути часто остававшихся верующими.

Наступили новые времена и в сентябре 1919 г. в Тобольск вступила 51-й армия В. К. Блюхера, а служители всех культов, а не только мулла, исключены из штата тюрьмы. Но в тот краткий период, когда после грабительской продразвёрстки в Сибири развернулась борьба «За советскую власть, но без коммунистов» – во время Западносибирского восстания в феврале 1921 г. здесь содержали, а затем расстреляли некоторых мусульман, например, учителя З. Алиева<sup>616</sup>.

---

<sup>613</sup> Юсупов Ф. Ю. Сибирские татары. Из сокровищницы духовной культуры. Антология фольклора сибирских татар. IV: Муз. наследие. Казань, 2018. С. 568–569.

<sup>614</sup> Шершнёва Е. А. Некоторые факторы, влияющие на возвращение крещеных инородцев в мусульманскую веру в XIX – начале XX в. в Западной Сибири // Религия в истории народов России и Центральной Азии // Мат. Всерос. с междунар. участием конф., посв. 10-летию кафедры религиоведения и теологии АлтГУ. Барнаул, 2011. С. 216.

<sup>615</sup> Центральный исторический архив Республики Башкортостан. Ф. И-295. Оп. 2. Д. 8. Л. 897об. – 898.

<sup>616</sup> Риве З. Э. Тобольский острог. Тюмень, 2017. С. 351.

В советские годы через тобольскую тюрьму проходило большое количество верующих всех исповеданий, а некоторые, как например, имам Н. Хуснутдинов, расстреляны во дворе и погребены в братской могиле<sup>617</sup>.

«Перемещаясь» на другую окраину рассматриваемого в статье суперрегиона, отметим необычное явление советской исправительной системы – «Дальстрой». Этот государственный трест по дорожному и промышленному строительству, являлся уникальным и постоянно менявшим конфигурацию производственным и административным образованием. Он был создан в 1931 г. и не подконтролен местным органам власти. Оставаясь в системе НКВД СССР, мог свободно перемещать материальные и людские ресурсы по всему пространству Дальнего Востока (в подчинении треста в 1953 г. около 3 млн. км<sup>2</sup>).

В 1930-х гг. вокруг приисков, портов и трасс появились первые посёлки. В то время в «Дальстрое» широко использовался бесплатный труд заключённых, занятых на тяжёлых работах. В крае к 1940 г. насчитывалось около 2,75 млн. чел., где заключённых около 500 тыс. чел. Если же учитывать спецпереселенцев, то подавляющую часть рабочей силы для промышленности региона давал ГУЛАГ<sup>618</sup>.

Местами передислокации ИТЛ из прифронтовой полосы с 1941 г. стали Магадан (центр «Дальстроя»), Норильск, Колыма. Там отбывал срок и закончил свои дни Х. Г. Габитов. В этом отношении «повезло» Х. Х. Зайни, в 1944 г. освобождённому от наказания. В тот год количество вольнонаёмных в части районов стало уже доминировать над числом заключённых.

В послевоенные годы этот лагерно-производственный комплекс был сравним по бюджету с РСФСР и УССР, для обеспечения которого направлены новые группы, где существенно оказалась доля мусульман (уже только по происхождению выявляемых). Так, в 1949 г. в распоряжении «Дальстроя» оказалось: 588 узбеков, 452 казаха, 427 татар и 111 крымских татар, 383 азербайджанца, 154 кабардинца, 19 балкарцев, 9 карачаевцев, 4 ингуша<sup>619</sup>. Среди них было только 38 семей, что связано с обстоятельствами ареста (особенно «власовцев») и ссылки. Почти все ссыльнопоселенцы, ссыльные и высланные к середине 1950-х гг. сосредоточены на Колыме.

С 1953 г. заключённые стали замещаться трудовыми ресурсами из других регионов страны. Хотя немалую часть населения составляли бывшие заключенные, ссыльные, их потомки<sup>620</sup>; местным феноменом было явление переезда к бывшим заключённым или ссыльным их родственников и поселение рядом с ними. Структуры «Дальстроя» были использованы при создании Магаданской области.

Распоряжаясь человеческими судьбами, руководство «Д.» игнорировало культурные запросы. К тому же в условиях тоталитарного атеистического давления религиозные практики, особенно среди осуждённых и спецпоселенцев, затруднены, но отмечались органами НКВД и НКГБ СССР.

Ждут своей судьбы сохранившиеся по Сибири и Дальнему Востоку тюремные замки и пересыльные пункты, а некоторым их бывшим обитателям, как например, Ф. М. Достоевскому, даже поставлены рядом с «узилищами» памятники...

---

<sup>617</sup> Рылов С. Тюремный замок // Тюменские известия. 2000. 12 октября.

<sup>618</sup> Сталинские стройки ГУЛАГа. 1930–1953. М., 2005.

<sup>619</sup> Чернолуцкая Е. Н. Принудительные миграции на советском Дальнем Востоке в 1920–1950-е гг. Владивосток, 2011.

<sup>620</sup> «Хотелось бы всех поимённо назвать»: книга-мартиролог. Хабаровск, 2004.